Солдаты повстанческой армии встревожились, когда увидели, что лагерь позади них загорелся. Даже Гамилькар почувствовал напряжение. Он с тревогой спросил Спартака, стоявшего рядом с ним: «Римляне очень хитрые. Они пытаются сжечь наш лагерь и подорвать наш моральный дух. Если так будет продолжаться, боюсь… Стоит ли нам изменить план и начать атаку заранее?»

"Не паникуйте. Первоначальный план остался неизменным. Будем и дальше ждать, — спокойно ответил Спартак. Затем он сказал глубоким голосом: «Немедленно пошлите кого-нибудь, чтобы сообщить Максимусу, чтобы тот возглавил свою команду и потушил пожар».

"Понял!" Сердце Гамилькара немного успокоилось. Он знал, что, хотя он и пережил несколько сражений, ему трудно оставаться таким же спокойным и собранным, как Спартак, в критические моменты. Это также была главная причина, по которой он был готов помочь Спартаку.

«Продолжайте бомбардировку! Не останавливайся!» Глабер взглянул на пламя на горе впереди и отдал громкий приказ. Хотя ему было разрешено привести только половину легиона, из-за его осторожного характера он упорно настаивал на получении большего количества баллист и кавалерии. Первоначально это было сделано для запугивания врагов, которые в основном были рабами, во время конфронтации. Однако после того, как кавалерия обнаружила расположение вражеского лагеря, он сформулировал этот план боя, который теперь казался эффективным.

Над головой время от времени летали огненные шары, и продолжали быть слышны крики группы тылового обеспечения, стоящей за повстанческой армией. Солдаты-повстанцы продолжали поворачивать головы, чтобы оглянуться назад, их эмоции колебались, как американские горки. Первоначальный высокий боевой дух исчез, некогда плотный строй постепенно стал рыхлым, а шум стал громче.

Спартак продолжал стоять неподвижно, полностью сосредоточившись на обозревании позиции римских баллист под горой. Внезапно он заговорил: «Одна из баллист не запускала огненный шар уже два раза! Ой, похоже, тот, что рядом, тоже остановился!»

Гамилькар проследил за его взглядом и действительно подтвердил это. Он почувствовал прилив радости и сказал: «Похоже, они неисправны!»

«Это ожидаемо, что баллисты будут повреждены огнем!» Спартак расслабил нахмуренные брови и крикнул: «Братья, подождите еще немного! Римские баллисты скоро станут бесполезными, и тогда у них не будет другого выбора, кроме как подняться на гору и сразиться с нами!»

Когда он кричал, Гамилькар вторил ему, и ближайшие гладиаторы тоже присоединились к нему. Солдаты в центре постепенно пришли в себя. Однако именно в этот момент с левого фланга раздался грохот. Солдаты-мятежники, словно ревущий поток, устремились к римской армии внизу.

Гамилькар был озадачен этой ситуацией.

Спартак сердито воскликнул: «Что происходит?! Что делает Эномай?!

Как только он закончил говорить, аналогичный рев раздался с правого фланга, а затем солдаты последовали его примеру и бросились вниз с горы.

"Блин! Крикс...» Проклятие Спартака внезапно прекратилось, он поднял свой короткий меч и закричал изо всех сил: «Братья, отомстите римлянам, атакуйте вместе со мной!» Сказав это, он взял в руки меч и щит и помчался вперед, спускаясь с горы. В этой ситуации Спартак не мог наблюдать, как левый и правый фланги сами сражаются с римской армией.

Солдаты кричали: «Месть!! МЕСТЬ!!!" когда они нетерпеливо бросились вниз. Еще один тысячный отряд под предводительством Арторикса следовал в центре.

Последовательное выступление повстанческой армии привлекло внимание Максимуса, которого беспокоило это внезапное изменение плана битвы. Он огляделся и увидел, что сотрудники логистической группы разбросаны по всему лагерю и тушат пожары.

Он немного поколебался, прежде чем принять решение: «Поторопитесь и соберитесь здесь все! Быстрый!"

.....

Глабер не мог не нервничать, когда увидел свирепую армию повстанцев, спускающуюся с горы.

С другой стороны, командир лагеря Веттиниус сохранял спокойствие. Он приказал офицерам громко кричать, быстро сливая небольшие отряды из ста человек (центурии) в большой строй длиной примерно 300 метров и шириной в десять колонн. За строем находилось около 1000 вспомогательных военнослужащих (еще 300 вспомогательных военнослужащих охраняли лагерь). Глабер не задействовал эти вспомогательные войска, чтобы воспрепятствовать наступлению повстанческой армии, потому что ему не хватало доверия к этим поспешно призванным городским стражам из Неаполя и близлежащих городов. Его беспокоило, что эти плохо обученные кампанцы не окажут помощь в условиях прямого противостояния и даже могут стать обузой.

Как только римский легион закончил объединять свои формирования, левый и правый фланги повстанческой армии уже приближались к переднему их порядку.

«Джавелин! Джавелин!» Крики римских офицеров побудили солдат быстро занять позиции для броска. Следуя за офицерами, они правой рукой метали в противника тяжелые копья. Хотя у них было мало времени и их действия были неточными, концентрированный залп тысяч

тяжелых копий оказался губительным для неопытных и плохо защищенных солдат повстанцев. Под хор криков бесчисленные солдаты повстанцев были пронзены тяжелыми копьями и упали на землю. Некогда плотное образование внезапно стало редким. Некоторые солдаты-повстанцы, едва избежавшие атаки копья, развернулись и обратились в бегство, в то время как другие, хотя и продолжали наступать, заметно замедлили ход. Только гладиаторы на передовой продолжали свою неустанную атаку.

Если бы опытный римский легион добился такого великолепного результата при атаке копьями, он, несомненно, воспользовался бы ситуацией и начал полноценный штурм, полностью разрушив строй противника. Однако римская армия до них явно не имела такого намерения. Вместо этого под руководством офицеров они подняли щиты, обнажили короткие мечи и заняли оборонительную позицию. Хотя они нанесли врагу тяжелый удар, они не могли не нервничать, столкнувшись со свирепыми атакующими гладиаторами.

Натиск копий и значительное сокращение числа товарищей не заставили колебаться гладиаторов на левом и правом флангах. Наоборот, ухудшение ситуации на поле боя заставило их кровь закипеть. Они громко ревели, лица их были свирепы, как у диких зверей. Битва и смерть были их судьбой, как и на арене.

Эномай и Крикс были царями этих зверей. Они атаковали в первых рядах, без особых усилий держа свои большие щиты, пронзенные тяжелыми дротиками, так же легко, как кусок ткани. Используя инерцию, они с силой врезались своими щитами в защиту щитов римских солдат, мощный удар заставил их противников пошатнуться. Затем с молниеносной скоростью их правые короткие мечи пронзили бреши в щитах, ранив врагов.

Вскоре центральные части повстанческой армии во главе со Спартаком и Арториксом также достигли переднего края римского строя, нанеся потери первой линии римских солдат.

Римский строй стал несколько беспорядочным, из-за чего Глабер, находившийся в тылу, забеспокоился. Он не мог не кричать: «Быстрее, пусть кампанские солдаты…»

— Не волнуйся, Легат, — громко успокоил Веттиниус, — наши солдаты смогут удержаться!

«Это… это так?» Слова Веттиниуса слегка успокоили эмоции Глабера. Он оставался верхом на лошади, наблюдая за ситуацией впереди. Под крики офицеров некоторые из паникующих солдат инстинктивно последовали приказам и прижались ближе друг к другу. Некоторые фронтовики даже отказались от коротких мечей и держали щиты обеими руками, сосредоточившись на полной защите. В результате все образование сжалось внутрь, став более плотным.

Атака гладиаторов была остановлена; их число было еще слишком мало. В ближнем бою их атакующая сила значительно уменьшилась из-за отсутствия общей координации. Римские солдаты начали переводить дыхание.

Только теперь Глабер вздохнул с облегчением и вопросительным тоном спросил: — Когда мы

сможем послать кампанцев?

«Подожди еще немного, пусть эти невежественные рабы истощат свою выносливость. К тому времени у них не будет сил бежать, — ответил Веттиниус.

«Хорошо, давай сделаем это», — согласился Глабер.

Спартак собрался с силами и много раз яростно таранил стоявших перед ним римских солдат. Однако противники защищались в полную силу, используя длинные щиты для защиты своих тел, не предпринимая контратаки. Из-за этого Спартаку было трудно найти возможность нанести удар и нанести им травму. Более того, из-за рыхлого построения повстанческой армии и вынужденного отступления римлян Спартак оказался в окружении противника, имея врагов с обеих сторон. Из-за этого он не решался начать новую тотальную атаку, и внутри него росло разочарование: « Эти проклятые римляне подобны черепахам, мы не можем быстро прорваться сквозь их строй, что нам делать?! Наши братья на левом и правом флангах ранее подвергались атакам копий, и их сила ослабла. Сколько они еще смогут продержаться?!

http://tl.rulate.ru/book/106426/3851728